

FRANCESCA GIANNONE

La Portalettere

Belles

EDITRICE NORD

Франческа Джанноне Почтальонша

Роман

Перевод с итальянского

Lettere

BELLES LETTRES

Москва, 2025

УДК 821.131.1
ББК 84(4 Ита)-44
Д40

Переводчик Юлия ГАРМАШОВА
Редакторы ЕКАТЕРИНА ИВАНКЕВИЧ, ТАТЬЯНА БЫСТРОВА

Джанноне Ф.

Д40 Почтальонша: [роман] / Франческа Джанноне ; Пер. с итал. — М.: Альпина Паблишер, 2025. — 590 с.

ISBN 978-5-9614-9164-7

Дебютный роман молодой итальянской писательницы Франчески Джанноне, ставший литературной сенсацией в Италии — раскуплено уже более 580 000 экземпляров, а права на издание проданы 37 странам.

Роман основан на истории прабабушки автора, в нем рассказывается о жизни Анны — молодой женщины с севера Италии, в 1934 году переехавшей вместе с семьей на юг страны, на родину мужа. Став первой женщиной-почтальоном в Лиццанелло, Анна бросает вызов патриархальным устоям общества. Более 20 лет, сначала пешком, а затем на велосипеде, она доставляет жителям важную корреспонденцию — это и письма солдат с фронта, и открытки от тех, кто навсегда покинул Италию, и послания тайных любовников. Анна читает письма неграмотным и даже учит их читать и писать. Сама того не замечая, смелая «чужачка» с севера многое изменит в южном городке и серьезно повлияет на положение женщин в нем.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

Публикуется по согласованию с международным литературным агентством ELKOST, Барселона, Испания.

© 2023 Casa Editrice Nord s.u.r.l.
Gruppo editoriale Mauri Spagnol
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

ISBN 978-5-9614-9164-7 (рус.)
ISBN 978-8-8429-3484-4 (итал.)

Моей сестре Элизабетте.

Где ты, там и я

Дебора. Ты долго ждал?

Лапша. Всю жизнь.

Х/ф «Однажды в Америке»
(реж. Серджо Леоне, 1984)

ПРОЛОГ

13 августа 1961 года

Лиццанелло (Лечче)

«Почтальонша умерла!»

Новость молнией разнеслась по всем улицам и переулкам городка.

— Вот уж не думала, что она и впрямь на тот свет отправится, — проворчала донна Кармела, сонно выглядывая из дверей. Круги у нее под глазами казались еще темнее из-за разводов вчерашней туши.

— Упокой Господь ее душу, — откликнулась соседка в халате из дома напротив и осенила себя крестным знамением.

— Говорили же, что она болела, — встряла другая с балкона. — Давненько ее не было видно.

— Бронхи у ней, я слыхала, — уточнила дородная женщина, подметавшая крыльцо.

— Почтальонская болезнь, — пояснила та, что стояла на балконе. — Помните Феруччо? Он тоже молодым умер.

Донна Кармела скривилась.

— Пойду поглажу выходное платье, — бросила она и скрылась в доме.

В одном из домов неподалеку, там, где заканчивался жилой квартал и начинались оливковые рощи, Джованна сидела за кухонным столом и со слезами разглядывала открытку, датированную 22 мая 1936 года. Потом сложила ее вдвое, сунула за пазуху и вышла из дома.

Прощание, согласно последней воле Анны, прошло среди гранатовых деревьев и базилика, в саду позади ее дома. Ступку, которую она почти тридцать лет назад привезла с собой из Лигурии, положили с ней в гроб — а еще две пары крошечных носочков, розовые и голубые, и обручальное кольцо Карло, которое Анна непременно хотела забрать с собой, надев поверх своего. Вот и все, что ей было нужно, чтобы проститься с жизнью, сказала она за несколько часов до смерти.

Роберто слонялся возле гроба и беспрестанно смолил «Национали» без фильтра. Его жена Мария сидела на одном из плетеных стульев, которые, словно щит, заслоняли гроб, и то и дело ерзала. Живот — она была на девятом месяце — заставлял ее обливаться потом. Если родится девочка, ее назовут Анной, как и было обещано.

Процессия мужчин и женщин, пришедших выразить соболезнование, тянулась с самого рассвета. «Хорошо хоть кофе в термосах вдоволь приготовила», — подумала Мария, в очередной раз меняя позу. В этот миг в сад вошла группа женщин во главе с Кармелой, затянутой в синее платье, с волосами, собранными в пучок, и густо подведенными черным карандашом веками. Словно примадонна, она распрямила плечи и, с гордостью осознавая,

что к ней точно мошकारа липнут любопытные взгляды, прошествовала к гробу. Поцелуй, предназначенный покойной, рукопожатие для Марии, объятия для Роберто — словом, она играла блестяще.

Ее эффектное появление затмил приход Джованны — та ворвалась стремительно, бросилась к Анне и так долго прижималась к ней и целовала ее лицо, что всем стало неловко.

— Чудная она, эта Джованна, — пробормотал кто-то.

Затем Джованна выпрямилась, вытащила из-за пазухи открытку, развернула и протянула Роберто, который как раз закуривал очередную сигарету.

— Что это? — спросил он, вертя открытку в руках.

— Читай, — откликнулась Джованна, утирая слезы.

— «Шлю сердечный привет», — прочел Роберто. И в замешательстве уставился на Джованну.

— Нет, не там. Вот здесь, видишь? — Джованна ткнула пальцем в правый верхний угол.

Роберто заметил, что там, где марки были оторваны, виделось несколько крошечных слов.

— Это придумала твоя мать, — пояснила Джованна дрогнувшим голосом. — Только ей могло прийти в голову что-то подобное.

Роберто поднес открытку к глазам, пытаясь разобрать слова. Потом растерянно взглянул на Джованну.

— Она придумала, как мне писать тайные письма моему возлюбленному, а потом заклеивать их марками, — объяснила та. — Так мы переписывались годами.

Роберто слабо улыбнулся и хотел было вернуть ей открытку, но Джованна его остановила.

— Нет, оставь себе, — настойчиво попросила она, накрыв его руку своей. — На память.

— Хорошо, — согласился Роберто. И, глядя на ковыляющую прочь Джованну, он сложил открытку вдвое и сунул в боковой карман пиджака. В этот момент пожилая женщина с одутловатым лицом и густыми седыми волосами, собранными в хвост, приблизилась и поставила у изножья гроба вазу с белыми цветами.

«Интересно, придет ли дядя Антонио, — подумал Роберто, швыряя прочь окурок. — Прочел ли он уже письмо?»

«Отнеси его дяде, когда меня не станет», — попросила мать, вручая ему запечатанный белый конверт.

Анна и Антонио не разговаривали уже девять лет, с той самой ночи.

Насколько крепкой может оказаться любовь, уступившая место ненависти?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июнь 1934 года — декабрь 1938 года

*Лиццанелло (Лечче),
июнь 1934 года*

Синий автобус, обшарпанный и ржавый, скрипя, остановился на раскаленном полуденным зноем асфальте. Горячий влажный ветер колыхал листья большой пальмы в центре безлюдной площади. Из автобуса вышли все три пассажира; первым ступил на землю Карло — одетый с иголки, с потухшей сигарой в зубах. На нем был жилет и начищенные коричневые оксфорды, которые не потеряли своего блеска за два дня путешествия — сначала в поезде, а потом на автобусе. Разгладив усы, он закрыл глаза и с наслаждением втянул ноздрями ни с чем не сравнимый аромат родного края — букет из свежей пасты, орегано, влажной земли и красного вина. Как сильно он скучал по нему, пока жил на севере — сначала в Пьемонте, а потом в Лигурии! В последнее время привычная легкая ностальгия переросла в постоянную ноющую тоску, камнем лежащую на сердце. Он снял шляпу и попытался обмахнуться ею, как веером, но только всколыхнул горячий воздух. Сирокко,

налетавший летом из Африки, был все таким же безжалостным, каким он помнил.

Анна ощутила дыхание этого ветра, как только вышла из автобуса. На ней было длинное черное платье — знак траура, который она носила уже три года. На руках она с трудом удерживала Роберто, годовалого малыша с живым любопытным взглядом.

Карло протянул было руку, чтобы ей помочь, но Анна покачала головой.

— Я сама, — сказала она, с трудом скрывая раздражение.

Безудержный восторг Карло, его неумное ликование, словно ему наконец вернули любимую игрушку, отнятую в наказание, были ей непонятны. К тому же дорога оказалась такой изматывающей, что ей сейчас хотелось лишь одного — лечь и уснуть. Она окинула взглядом площадь: странный соломенно-желтый цвет зданий, выцветшие вывески, серая башня внушительного замка. Вот они — новые декорации ее жизни, так непохожие на то, к чему она привыкла. В этот миг она с болью в сердце осознала, как далеко отсюда до Лигурии и ее родной Пиньи, живописно раскинувшейся на склоне холма среди каштановых рощ.

— Антонио уже должен быть здесь, — пробормотал ее муж, оглядываясь по сторонам. — Он знает, что автобус приходит в три, — Карло поднял глаза к большим часам на городской ратуше. — А сейчас уже четверть четвертого.

— Не удивлюсь, если в этих краях и часы едва ползут, — заметила Анна, вытирая рукавом платья вспотевший лобик Роберто.

Карло лишь весело хмыкнул в ответ и покачал головой: в жене ему нравилось абсолютно все, даже ее острый язычок.

Запахавшийся Антонио появился через пару минут — на лбу у него блестели капли пота, прядь волос выбилась из набриолиненной прически.

— А вот и он! — просиял Карло и с распростертыми объятиями кинулся к брату. Он обхватил Антонио за шею, крепко прижал к себе и попытался запрыгнуть на него, едва не повалив на землю.

Анна, смотрела на двух мужчин, которые смеялись как дети, но не вмешивалась. Она понимала — этот момент принадлежит только им двоим. Ни дня не проходило, чтобы Карло не вспоминал о брате: «Антонио бы подумал это...», «Антонио бы сделал то...», «Я тебе когда-нибудь рассказывал, как мы с Антонио...». Несмотря на годы, проведенные вдали друг от друга, когда разлуку скрашивали лишь открытки, письма и телеграммы, а также посылки с оливковым маслом и другими гостинцами, регулярно приходившие с юга, связь между братьями не ослабла. Напротив, их родственные узы только окрепли.

Взяв Антонио за локоть, Карло подвел его к Анне.

Поразительное сходство, подумала она, когда он остановился в шаге от нее: такое же лицо с острым подбородком, что и у ее мужа, разве что чуть больше морщин и нет усов, те же черные глаза, закругленный кончик носа, нижняя губа чуть полнее верхней — словно копия, сделанная с портрета тем же художником.

— Это моя Анна, — сказал Карло, светясь от радости. — А этот прекрасный малыш — твой племянник. Наконец-то ты с ним познакомишься.

Антонио застенчиво улыбнулся и протянул руку для приветствия. Анна вяло ее пожала, отметив, что взгляд у него другой, совсем не такой лукаво-игривый, как у Карло. В глазах Антонио таилась меланхоличная глубина, и в этот момент они, казалось, пытались проникнуть Анне в самую душу. Она вдруг почувствовала, как вспыхнули ее щеки, и отвела взгляд. «Какого черта я краснею?» — подумала она.

Антонио тоже опустил глаза.

— Привет, я твой дядя, — с улыбкой сказал он Роберто, погладив его по голове. Золото обручального кольца сверкнуло на солнце. Пряча глаза, Анна передала ему ребенка.

— Ну надо же, *quantu sinti beddru* *! — оживился Антонио, подхватывая малыша под мышки.

— Весь в маму, — вставил Карло и погладил Анну по щеке тыльной стороной ладони.

Она не отстранилась, но было ясно, что сейчас ей не до комплиментов.

Водитель автобуса в мокрой от пота рубашке, которая липла к телу, закончил выгружать багаж — два чемодана и большую картонную коробку, — попрощался с ними, приподняв козырек фуражки, и, тяжело дыша, медленно

* Какой ты красивый! (апулийский диалект, характерный для этого региона Италии). — *Здесь и далее прим. ред.*

направился в сторону «Кастелло» — единственного бара на площади.

Карло взял чемоданы.

— А ты разберись с коробкой, — сказал он Антонио. И пошел вперед.

Анна забрала Роберто и строго предупредила:

— Осторожно. Там все самое дорогое, что у меня есть. — Она с некоторым смущением осознала, что это были первые слова, с которыми она к нему обратилась.

— Обещаю быть очень осторожным, — ответил он. Аккуратно поднял коробку, крепко придерживая ее обеими руками за дно, и поспешил вслед за братом. Анна шла рядом; ее каблучки стучали по скользким гладким булыжникам мостовой как будто в такт ее слегка прерывистому дыханию.

— Почти пришли, — с улыбкой подбодрил ее Антонио.

Дом, где предстояло жить Карло и Анне, находился на улице Паладини, всего в нескольких шагах от площади. Раньше он принадлежал Луиджи, дяде братьев по материнской линии, владевшему большими земельными угодьями, из-за чего местные прозвали его *патруну* — хозяин. Он сумел разбогатеть, но так и не обзавелся детьми, поэтому после его смерти Антонио и Карло досталось все, что он имел: земли, дома и солидная сумма денег, позволяющая какое-то время прожить безбедно.

Если бы не этот чертов дядя, ей не пришлось бы отказываться от привычной жизни в Пинье и своих учеников, чтобы переехать на юг, подумала Анна. Она ненавидела его, хоть он уже и умер.

Поставив коробку перед входом в дом, Антонио порылся в карманах брюк, достал ключ, вставил его в замок и распахнул деревянную дверь; луч солнца, проникший снаружи, осветил очаровательный дворик, окруженный галереей со звездчатым сводом и каменными стенами медового цвета. В центре стоял круглый мраморный столик и два кованых стула, в углу — глиняный горшок с растением, засохшим бог знает когда.

Карло бросил чемоданы во дворе и отправился осматривать дом. Он поднялся по лестнице, спустился обратно, заглянул в каждый уголок, стянул простыни с мебели, стоявшей в большом зале с камином. Антонио наблюдал за ним, облокотившись о дверной косяк, и чувствовал, как его переполняют эмоции. Как же он скучал по весельчаку Карлетто, своему любимому младшему братишке! Пока они были вместе, никто другой ему был не нужен: Карло был не просто братом, но и лучшим другом, незаменимым товарищем по проказам, единственным, кто знал его до глубины души. Когда брат уехал, Антонио показалось, будто он остался один в целом мире. Никто не мог избавить его от этого чувства одиночества и вернуть его миру яркие краски. Даже — подумал он, ощутив легкий укол совести, — жена Агата или дочь Лоренца.

Анна оглядывалась по сторонам, крепко прижимая к себе Роберто и думая, что этот дом слишком велик для трех человек, а потолки, на ее вкус, чересчур высоки. Она была уверена, что любовь не нуждается в большом количестве комнат и запертых дверях: первые годы после

свадьбы они с Карло провели в трехкомнатной квартирке с низкими потолками и были счастливы. Как же счастливы они там были! Слишком большое пространство увеличивает и расстояние между сердцами: много ли радостей у принцесс в их замках?

— Анна, иди скорее сюда, — воскликнул подбежавший Карло, схватив ее за руку. — Анто, и ты тоже.

Он провел ее через гостиную, столовую и кухню в маленький садик, где росли гранатовые деревья.

На лице Анны появилась улыбка — впервые с того момента, как они сели в поезд, идущий на юг. Этот сад стал первым лучиком надежды за все путешествие: красные чашечки цветов с желтым венчиком, заостренные ярко-зеленые листья, яркий контраст красок, изогнутые стволы... Здесь ей понравилось все. Осталось только посадить побольше базилика, чтобы дышать знакомым ароматом. Чтобы чувствовать себя как дома. Хотя бы немного.

— *Quel delice! Mon jardin secret!** — воскликнула она и чмокнула сына в щечку.

Антонио озадаченно посмотрел на нее и бросил на Карло вопросительный взгляд.

— Да, иногда моя Анна выдает что-то по-французски. Видишь ли...

— Там, откуда я родом, это в порядке вещей, я ведь выросла на границе с Францией, — перебила мужа Анна, повернувшись на миг к Антонио. Она посмотрела на него

* Какая прелесть! Мой тайный сад! (фр.)

своими большими глазами цвета оливковых листьев, которые казались еще ярче на фоне черных волос, собранных в мягкую косу. Ее тонкая прозрачная кожа — кожа создания, не принадлежавшего этим местам, — вспыхнула на щеках пунцовым румянцем. Антонио не мог сказать, было это из-за жары или он вновь заставил ее покраснеть.

Повернувшись к мужчинам спиной, Анна принялась осторожно ощупывать ствол гранатового дерева.

Интересно, есть ли в городской библиотеке учебник французской грамматики, подумал Антонио. Надо будет завтра узнать.

* * *

— Ну что? Какая она? — Агата, жена Антонио, весь вечер не прекращала его расспрашивать. — Высокая? Хорошо одета? А дом им понравился? Что она сказала? Выглядела довольной?

Антонио поднялся с кресла.

— Не знаю, — вздохнул он. — Думаю, да.

Порой Агата была совершенно невыносима.

— Она красивая? — продолжала жена, явно не собираясь оставлять его в покое.

Красивая ли она? Антонио никогда раньше не встречал таких женщин. Ее красота оглушила его как пощечина. Эти зеленые глаза... он не мог перестать думать о них: такие глубокие и лучистые, с нежными веками, они едва заметно косили, что только добавляло ей очарования. Нос, прямой

и гордый, как у греческой статуи, и такая же царственная осанка, а лодыжки — изящные и тонкие, как у девчонки. — Обычная, — ответил он. — Я не обратил внимания.

— Ну как же так, — возмутилась разочарованная Агата. Ей хотелось разузнать все в подробностях, а вместо этого пришлось довольствоваться односложными фразами. — Ладно, садись, — фыркнула она и крикнула, глядя наверх: — Лоренца! За стол, ужин готов.

Когда Агата вышла из кухни с дымящейся кастрюлей в руках, на лестнице послышались быстрые детские шаги.

— Привет, пап, — поздоровалась Лоренца, поцеловав его в щеку.

Антонио погладил дочь по голове и, не успела она усесться, начал расспрашивать ее о том, что проходили сегодня в школе. Ему не терпелось сменить тему, и он надеялся, что в присутствии дочери Агата наконец уймется.

Агата положила в тарелку Лоренцы два половника овощного рагу, затем подала еду Антонио. Ее руки, подумал он, вечно неухоженные, с ободранными костяшками и обломанными ногтями, которые она постоянно грызла. Со дня их первой встречи прошло десять лет, а он до сих пор отводил от них взгляд.

— А чего ты хочешь? Эти руки привыкли трудиться, — с раздражением оборвала его Агата в тот единственный раз, когда он, смущаясь, посоветовал ей начать за ними ухаживать.

А вот руки Анны... На них он сразу обратил внимание. Такие ухоженные, гладкие, мягкие даже на вид.

— Италия — это полуостров, а значит, она с трех сторон омывается морем... — нараспев рассказывала Лоренца.

— Когда мы с ней познакомимся? — перебила Агата, усаживаясь за стол.

— Дадим им время немного обжиться, — ответил Антонио, подув на горячую ложку.

— Приветственный обед, — воскликнула Агата, словно не слыша его. — Вот что нам нужно. В воскресенье!

* * *

В воскресенье Агата поднялась с первыми лучами солнца, тихонько прикрыла дверь спальни, чтобы не разбудить Антонио, и направилась в ванную. Сняла белую ночную сорочку, обтягивающую ее пышные бедра, и надела удобное коричневое платье из хлопка с короткими рукавами, которое сняла накануне вечером и повесила рядом с полотенцем. Глядя в зеркало, она быстро расчесала свои рыжеватые волосы, стянула их в тугий низкий хвост и умылась.

Она тихо спустилась по лестнице, прошла на кухню и поставила на огонь кофеварку. Мелко нарезав лук, морковь и стебель сельдерея, Агата бросила их в высокий сотейник, добавив масло. Вскоре по кухне разнесся запах жареных овощей, смешавшийся с ароматом кофе. Тогда она вылила в сотейник две бутылки томатной пасты, добавила соли и накрыла все крышкой. После этого, присев на минутку выпить кофе, она еще раз перебрала в уме все, что еще

нужно сделать: замесить тесто для орекьетте* и вылепить их вручную. Килограмма должно хватить... Сделать фрикадельки из хлеба с сыром, обжарить их, а затем потушить в соусе. Агата представила себе восхищение Карло и Анны при виде блюд, которые она будет подавать на стол.

«Мамма миа, какая вкуснятина! — воскликнет Карло, восхищенно жестикулируя. — Как же мне не хватало нашей кухни. А эти фрикадельки! На вкус как настоящее мясо». И все кинутся подчищать свои тарелки кусочками хлеба, чтобы насладиться соусом до последней капли. А ее Антонио будет сиять от гордости, думая, как же ему повезло жениться на женщине, которая так отменно готовит.

«Ты непременно должна научить меня этим блюдам», — скажет Анна, глядя на нее с восхищением. И Агата с улыбкой ответит, что с удовольствием научит ее всему, что знает сама. Они обязательно подружатся, вне всяких сомнений.

Агата допила последний глоток кофе, поставила грязную чашку в раковину, достала из буфета хлеб и принялась вынимать из него мякиш для фрикаделек.

О десерте позаботится Антонио, решила она. Как только он проснется, она отправит его за миндальным печеньем в «Кастелло».

Анна и Карло постучались в двери вовремя — ровно в половине первого.

— А вот и они, — сказала Агата, сияя от радости.

* Орекьетте (ит. *orecchiette*, дословно «ушки») — тип итальянской пасты в форме ушек, распространенный в Апулии.

Сняв фартук, она бросила его на стул в кухне и побежала открывать гостям. Антонио, который сидел в кресле и читал *Il Corriere della Sera*, сложил газету пополам и встал, сунув руки в карманы брюк.

Агата открыла дверь.

— Добро пожаловать! — воскликнула она звонким голосом. Ее щеки залил румянец. Карло улыбнулся и бросился ее обнимать. За десять лет они встречались лишь трижды, и каждый раз ненадолго: первый раз, когда он приезжал в Апулию, чтобы стать свидетелем на их свадьбе, второй — чтобы отпраздновать рождение Лоренцы, и третий — на похороны отца.

Анна остановилась в дверях, держа на руках крепко спящего Роберто.

— Анна, дорогая, — Агата расцеловала ее, оставив на щеках влажные следы. — Наконец-то, я не могла дожждаться, когда познакомлюсь с тобой! — продолжила она дрожащим голосом. — Ну же, входите, — сделала она приглашающий жест рукой. — Чувствуйте себя как дома. — И вытерла пальцем капельки пота над верхней губой.

Антонио сделал шаг навстречу. Он крепко обнял брата и поприветствовал Анну кивком головы.

— Как дела? — спросил он ее, слегка улыбнувшись.

— Хорошо, — ответила она, немного растерянно оглядываясь по сторонам. — Насколько хорошо может быть в...

— А где же моя племянница? — перебил ее Карло. — Наверное, уже стала взрослой синьориной.

— Лоренца! — громко крикнула Агата в сторону лестницы.

Анна поморщилась и инстинктивно прикрыла рукой уши Роберто, который, впрочем, продолжал спокойно спать.

— Спускайся! Они пришли! — Затем, немного понизив голос, она сказала Анне: — Вечно приходится звать ее по сто раз. Никогда не может собраться вовремя! — и захихикала.

Карло сразу же принялся расхаживать по гостиной, заложив руки за спину и рассматривая все вокруг.

— Анна, дорогая, не стой. Садись сюда, — пригласила ее Агата, указывая на зеленый бархатный диван в центре комнаты.

Анна поблагодарила и уже направилась было к дивану, как Агата остановила ее:

— Хотя нет, давай сначала отнесем малыша в комнату. А то еще разбудим.

— Да, пожалуй, так будет лучше, спасибо, — согласилась Анна.

— Не за что. Идем, идем, — поторопила ее Агата, слегка похлопав рукой по спине. — Заодно и дочь мою подгоним.

И они начали подниматься по лестнице.

— Ты все оставил как было, — несколько удивленно заметил Карло, как только оказался наедине с братом.

Антонио по-прежнему жил там, где они оба выросли, всего в ста метрах от дома дяди Луиджи. Пока был жив отец, Антонио с женой и дочерью занимали спальню, которая теперь стала комнатой Лоренцы. В гостиной стояла все та же грубая и немного громоздкая мебель, которую их отец с матерью купили перед свадьбой: зеленый бархатный диван с потертыми подлокотниками — тот самый,

на котором маленькие Карло и Антонио зимними вечерами уютно устраивались у отца на коленях, поближе к огню; над камином все так же висели картины с изображением оливковых рощ, что написала их мать, когда была еще молодой и здоровой; всякие безделушки — отцу нравилось коллекционировать вещицы вроде миниатюр из кованого железа — стояли на своих местах, и даже шерстяное одеяло матери все еще лежало на кресле у окна, том самом, в котором любил сидеть Антонио.

— Мне и так нравится, — ответил Антонио, пожав плечами.

Этажом выше, уложив Роберто на двуспальную кровать в своей спальне и обложив его с двух сторон подушками, Агата вышла в коридор и поманила Анну за собой к комнате Лоренцы. Она распахнула приоткрытую дверь: девочка сидела на полу, увлеченная игрой с тряпичной куклой.

— Почему ты не откликаешься, когда я тебя зову? — отчитала ее мать.

Обойдя Агату, Анна зашла в комнату и присела на корточки рядом с девочкой.

Лоренца уставилась на нее, вытаращив глаза.

— Привет, — сказала ей Анна с улыбкой, — я твоя тетя Анна.

И протянула ей руку.

Девочка улыбнулась ей в ответ и пожала руку.

— Меня зовут Лоренца.

— Да, я знаю.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать семь, — ответила Анна.

Лоренца начала считать вполголоса, загибая пальцы.

— На восемь лет меньше, чем маме, — сказала она. — А мне девять. Вот, — она показала девять пальцев.

— И это я тоже знаю, — улыбнулась Анна.

— А правда, что вы раньше жили очень далеко отсюда?

— О да, очень-очень далеко.

— Так же далеко, как Америка?

Анна рассмеялась и легонько потрепала ее по щеке.

— Почти, — ответила она.

Глаза Лоренцы были такими же, как у Антонио и Карло: темными и пронизательными, с искоркой, заставлявшей их светиться изнутри.

— Какая ты красивая, — сказала Анна, пропуская сквозь пальцы ее рыжеватые, как у Агаты, волосы.

— И ты. Красивая-прекрасивая.

— Ах, спасибо. — Анна притянула ее к себе и крепко обняла. Именно такой она представляла себе Клаудию — дочь, которую потеряла. Если бы той довелось вырасти.

— Ну же, Лоренца, — раздраженно поторопила ее Агата. — Давай, надевай туфли и спускайся. Дядя Карло хочет с тобой поздороваться.

Заслышав шаги на лестнице, Карло и Антонио встали с дивана. Антонио заметил, что Агата хмурится, словно ее недавняя радость внезапно испарилась. Лоренца же, напротив, выглядела по-настоящему довольной. Она держала за руку Анну, которая наконец улыбалась. Ей стоило бы улыбаться чаще, подумал Антонио. Так она становится еще красивее...

— Дядя! — закричала Лоренца и побежала навстречу Карло. Тот засмеялся и распахнул объятия, подхватил ее на руки и волчком закружился с ней по комнате. Девочка хохотала до упаду.

— Помедленнее, а то у нее голова закружится, — предостерегла его Анна.

— Все за стол, — сказала Агата. — Я иду варить пасту — она такая свежая, не успеешь опустить в воду, как уже готова.

Она направилась на кухню, ожидая, что Анна пойдет за ней, чтобы помочь. Но увидела, что вместо этого невестка отодвигает стул и садится. Уму непостижимо, подумала она, покачав головой. Обычно, если среди гостей была женщина, ей следовало помочь хозяйке дома накрыть на стол. Так было заведено, о подобных вещах не нужно было даже просить.

— Чур, я сижу с тетей! — крикнула Лоренца, забираясь на стул возле Анны.

— Лоренца, иди помоги мне, — резко окликнула ее Агата.

— Я помогу маме, сиди, — сказал Антонио дочери и пошел к жене на кухню.

Наконец тарелки с едой были расставлены, и все заняли свои места. Агата перекрестилась и, сложив руки и опустив глаза, стала читать «Отче наш». Карло и Антонио тут же положили ложки, которые уже взяли в руки, и последовали ее примеру.

— Тетя, а ты почему не молишься? — вдруг спросила Лоренца.